ЧЕТВЕРО ИЗ ХАРБИНА

Фан Сю-юй отбросил «Рабочий путь» на стол в кучу газет и книг, где рядом с азбукой русского языка лежали переводы речей Сталина, Молотова, Кагановича, и начал рассказывать историю своей немудреной жизни.

— Родился и жил в провинции Шань дун. Было голодно, жить трудно. Отец и мать — старики. Поехал в Россию, работал несколько лет в рудниках, там вступил в комсомол, а потом послали меня во Владивосток в совпартшколу. Сейчас здесь. Учим ленинизм, историю классовой борьбы, политэкономию. Теперь я уже кандидат партии.

Он привычным жестом провел по копне черных волос, одернул юнгштурмовку и, взглянув в окно на играющих в валейбол ребят, продолжал нашу беседу о Китае Чжан Сюэ-ляна, о рабочем Китае, о жизни рабочих здесь.

Фан Сю-юй был не один. В комнате жило еще четыре или пять его товарищей, вчерашних шаньдунцев, потом работавших у нас на конях и заводах, сегодняшних курсантов совпартшколы, начавших усваивать механику классовой борьбы, завтрашних борцов, организаторов китайских пролетариев на борьбу с капитализмом.

И комната эта была не единственной, их много в совпартшколе, наполненных боевыми товарищами, прошедшими хорошую школу на предприятиях Советского Союза.

...Совпартшкольцы вспомнились, когда мы беседовали с группой харбинских рабочих, всего две-три недели тому назад, приехавших к нам на завод «Металлист». Первые прошли уже большую школу, вторые стояли в самом начале ее. Их четверо. Все еще молодые. Лет по 20-25. На заводах работают по 4-8 лет, формовщики высокой квалификации. На трех одеты фетровые шляпы, осыпанные формовочной землей, четвертый — в кепке, явно местного происхождения. Обычная прозодежда. Только большие белые пуговицы у двух выделяют их несколько из остальных рабочих. Все грамотны. Тот, что в кепке, помоложе, опираясь на лопату, ведет с нами разговор. Двое изредка вставляют слово, другое. Четвертый совсем молодой, с растерянным, недоумевающим лицом, сидит на корточках, вертя в руках небольшую кисточку.

— Как попали сюда? Что привело вас в Советский Союз? — спрашиваем товарищей.

— Знакомый рабочий написал, чтоб приезжали. Писал, что здесь работы много и люди нужны, можно приезжать.

— А вы в Харбине безработными были?

Они в ответ неуверенно смотрят на своего китинструктора, на других и наконец, один заявляет:

— Мы работали на заводе у Тун Ихо. Безработными не были, только работы на заводе нет.

Что то мешает им прямо сказать, что были безработными. А поэтому и говорят так: работы не было, но мы — не безработные.

— У нас там все дешево, — вставляет другой. — Пампушка несколько копеек стоит. Только денег нет, заработать негде.

Невольно встает известная картина: переполненные всякими яствами магазины, цены дешевые для тех, у кого деньги есть, и пустые карманы у рабочих, делающие «доступное» неприступным.

— Ну, а что вы слышали про Советский Союз?

— Слышали, что здесь работу всюду достать можно, вот и приехали.

— Ну, а о власти, какая у нас. О порядках на заводах?

Замыкаются, уходят глаза куда то далеко, трудно решить: не хотят ли они передавать белогвардейские сплетни о нас, или в самом деле ничего не знают, но в ответ, наконец, мы видим отрицательное покачивание головой.

— Ничего не слышали.

Мой товарищ, китайский коммунист, эмигрант, беседовавший с рабочими, после говорит:

— Северный рабочий не тот, что на юге и в центре Китая. На севере промышленность развита слабо. Революционное движение много слабее. Рабочие, особенно такие молодые, как эти, далеко несознательны. Когда северный рабочий поднимется до уровня южного, тогда...

Он смолкает, и перед нашими глазами встают, наверное, одинаковые картины дальнейших революционных перспектив в Китае.

***

— Мы, ведь, без языка, — жалуется предзавкома Аникиев, — прямо страдаю от этого. Вот пришел один из них, говорит:

— Моя Харбин хочет.

— Больше он ничего пояснить не может. А я ему и подавно ничего не растолкую. Инструктора же китайского я вижу раз в три-четыре дня. Ты знаешь, — говорит он горячо, — хочу учить язык. Прямо не дело так.

Действительно, парень, сидящий на корточках, с растерянным лицом, грызущий кисточку, хочет уехать. Начинаем толковать с ним на родном языке, выясняем многое:

— Трудно работать. По-русски не понимаю. Хочу инструмент взять, ругаются по матери. А потом пища непривычная. Живот болит. В цехе — тоже непорядки: я — формовщик, а меня за чернорабочего работать заставляют, тяжести перетаскиваю. Вот посмотрите, палец поранен.

Переводим и вопросительно смотрим на стоящих тут же предзавкома, завцехом, профуполномоченного.

— Как же так?

Профуполномоченный, почесав голову, признается:

— Да, бывает, знаешь, по матушке пустят. Только ведь это без злобы. Русский русского еще почище кроет.

Мои спутники начали растолковывать хотящим уехать в Харбин, что всякие неурядицы носят временный характер, что дело наладится.

Он долго отрицательно мотал головой, грыз кисточку и говорил:

— Буши, буши.

Но убедительная, толковая речь взяла свое. На лице его расплылась хорошая улыбка и он сказал:

— Хао, хао.

Заулыбался китинструктор и все присутствующие. Но я не уверен в крепости решения. Когда мы уходили, обед кончился. Его товарищи давно работали, а он в раздумьи сидел на корточках и продолжал покусывать кисточку.

***

Партийцы завода жалуются:

— У нас нет ни одного коммуниста-китайца. Прямо беда. Даже инструктор не коммунист. С корейцами же много лучше. В их среде пять коммунистов. Через них мы любую работу проворачиваем.

— Так. А вы, что же ждете, что китайский рабочий придет к вам и скажет, запишите меня в партию,—ставлю я контр-вопрос.

Надо поработать, самим позаботиться о том, чтобы товарищи, знающие язык, пришли и помогли вовлечению рабочих в партию. На самотек не рассчитывать. А сейчас на заводе нет заботы о восточнике. Начала выходить во Владивостоке китайская газета «Красное Знамя». Ее бы надо в момент на завод. Новым рабочим из Харбина ее в первую очередь, но никто об этом не подумал.

Когда же я дал одному из товарищей «Хун-ци» («Красное Знамя»), то он с большим интересом стал читать ее, где телеграммы о советском Китае, об успехах Красной армии перемежались с материалами о жизни Советского Союза. Ведь впервые он держал в руках коммунистическую газету. А разве это не сильнейшее оружие коммунистического воспитания?!

— Я несколько раз поговорил с ним, —рассказывает инструктор Ли-чен. Растолковал им насчет союза, что это—самое главное дело для рабочего. Они пока помалкивают. А вот на заем подписались, по пятьдесят рублей каждый. Предложил им поступить на рабфак. То Лян-ван согласился. Вот его анкета.

Беру анкету, где три иероглифа скрепляют обычные сведения: родился в 1906 году, работал 8 лет в Харбине у частника, мать, отец крестьяне — вот и все. Будет теперь учиться на рабфаке.

Это первый важный шаг.

Г. Ефимов.